

ГЛАВА 6

События стали развиваться предсказуемо – новоявленный конкурент сделал всем нашим клиентам коммерческое предложение, нам пришлось экстренно выдвигать свое, еще более выгодное. Ход с бартером возымел успех – клиентов мы отстояли. Теперь надо было думать, куда же девать обменный товар. Все фирмы его продавали либо оптом со склада, либо через свои розничные точки. Со склада мы не торговали и розницы своей не имели. Выход виделся один – продуктовые базы с отделами бытовой химии. В городе таких было три: «Пересвет», «Меркурий» и «Пеликан». В последнем на нужной должности трудился Вовка. В «Меркурии» бытовой химией заведовал коммерческий директор, отношения с которым у нас сложились чисто деловые. Было неясно, возьмет он наш бартерный товар или нет. «Пересвет» стоял особняком – большая современная база, которую все крупные оптовики бытовой химии почему-то упустили из виду, и товар туда поставляли предприниматели вроде нас. Притом, что продажи в «Пересвете» были самые большие из продуктовых баз. Лучшего места сбыта бартера для нас было и не придумать.

- Ну, а чо, давайте, конечно! Я только за! Я от таких предложений не отказываюсь! – расплылся Вовка в довольной улыбке, заблестев радостно глазами, едва я ему намекнул о деньгах. После выгрузки мы выехали на «газели» с территории «Пеликана» и остановились на площадке за воротами. Вовка вышел к нам следом, подальше от посторонних глаз и ушей. Мои дружеские отношения с ним развивались быстро. Оба сразу нашли общий язык и взаимную симпатию. Вовка оказался малым прямолинейным, веселым и энергичным. С ним было легко и интересно.

- Ну, чо там у вас, давайте, жулики, рассказывайте! – сказал он, подходя вразвалочку на своих коротких ногах. К его манере разговора я уже почти привык.

Было жарко. Ожидая Вовку, мы раскрыли настежь обе двери кабины, духота внутри стала меньше. Отец курил, стоя подле кабины с водительской стороны. Я слонялся по хрустящему гравию со своей стороны. Время словно остановилось. Конец рабочего дня. Из ворот базы изредка выползали машины, загруженные купленными товарами, проезжали мимо нас и растворялись в городских улицах.

- Эт почему это мы жулики? – спросил я наигранно серьезно.

- Да, а кто вы есть!?! – засмеялся Вовка, бегая маленькими глазками от меня к отцу. – Перепродаете товар с одной конторы в другую, бабки складываете в карман, ничего не производите... Тунеядцы! Жулики!

Мы посмеялись, перекинулись несколькими острыми шутками, перешли к делу.

- Ну, давайте выкладываете, чо там у вас, - Вовка задрал ногу на ступеньку «газели», взялся рукой за оконный проем двери и стал ее раскачивать туда-сюда.

Я рассказал суть дела, предложил Вовке за услуги три процента. Тот театрально закатил глаза вверх, после скосил взгляд на меня.

- Пять!?! – выпалил Вовка и замер, улыбаясь хитрющими глазами.

- Договорились. Пять, - растянулся я в улыбке от его ужимок.

Вовка продолжал играть – сначала насупился на пару секунд, будто обдумывая, перестал раскачивать дверь машины, после сразу расплылся в алчной улыбке.

- Ну что я скажу!?! Предложение интересное, господа буржуи! Я его рассмотрю! - закатился он отрывистым смехом. Засмеялся и я. Отец, докурив, подошел ближе и

принялся нудно и дотошно рассказывать Вовке всю историю событий, включая «подлянку, какую подсунил нам «Пушок» и то, что «вопрос надо как-то урегулировать».

- Да я понял, Анатолий Васильевич, я все понял, - замотал взъерошенной головой Вовка, словно отбиваясь от медлительности речи моего отца.

- Так все неожиданно получилось, - смущаясь, тот привычно заскреб в макушке и закряхтел. – У нас и договоренность была с производителем и договор, но вот сам видишь, какие люди попались. Приходится выкручиваться.

- Да понял я, понял, Анатолий Васильевич! – Вовка одним движением руки еще сильнее взъерошил волосы на голове. – Придумаем что-нибудь! Я подумаю! Хорошо!

- Вов, ты глянь, что у нас сможешь брать, так чтоб не сильно там остальных ущемить, а то на тебя косо начнут смотреть, - прервал я отцовские стенания, которые, если так не поступить, продолжались бы еще час, изводя своей нудностью.

- Да вот же, блять! – встрепенулся Вовка. – Там Петрович сидит, этот крот, зарылся, хрен спихнешь его оттуда! Он же там контролирует все, это и с ним мне придется делиться, там без него никак. Его не обойдешь.

- Ну, поговори и с ним, я думаю, он не будет против... - предложил я.

- Кто!? Петрович!? – Вовка снова закатился смехом. – Ёпти! Блять, да он мать родную продаст, если что! Это еще тот жучила! Ничего, я его вот выживу с его места, тогда вообще все будет в моих руках, и с ним делиться не придется! Красота, блять!

Вовка хлопнул в ладони и жадно потер их. Я засмеялся, его взбалмошный нрав нравился мне все больше. Вовка, как противовес отцу, появившись в моей жизни вдруг, заискрил всеми цветами, питая меня так необходимыми среди рутины эмоциями.

Выяснилось, что Вовка в приятельских отношениях с коммерческим директором «Меркурия». Я попросил его прощупать того на предмет закупки у нас бартера, и Вовка обещал помочь.

В конце июля мы снова поехали с товаром в Москву. Все было как в прошлый раз – выехали в пять утра, на месте были к полудню. Разгрузились быстро, а с погрузкой вышла задержка – только в четыре выехали в обратный путь. В полвосьмого свернули к кафе, поели. Мы сильно отставали от графика, выходило, что дома будем не раньше полуночи.

Следующие четыре часа проехали без остановок. Время ушло за полночь, когда до нашего города оставалось километров сорок, и меня потянуло в сон. Я сопротивлялся, но веки потяжелели, с каждым разом я моргал все медленнее, голову тянуло вниз. Я потер лицо руками и чуть опустил боковое стекло. Сквозняк тут же протянул кабину в сторону раскрытого окна отца. Прохладный воздух быстро проник под футболку, спина остыла, и я поежился. «Надо закрывать свое окно, а то шею надует, завтра голову не поверну и вообще, продует еще», - подумал я и закрыл окно. В голове прояснилось, сон отступил. Я глянул на отца, он курил. Оба были уже почти сутки без сна. «Если я так хочу спать, то как отец еще держится? Он еще и за рулем всю дорогу», - подумал я, тут же ощутив укол совести из-за того, что сижу бездельником. Идиотская ситуация. Мои навыки вождения были не настолько хороши, чтоб вести «газель» по трассе, тем более в момент, когда я буквально клевал носом ото сна. Я это понимал, но совесть крутила душу. Я посмотрел на отца внимательней. Его тоже клонило ко сну. Веки глаз двигались все медленнее.

- Ты как, па? – произнес я, прерывая мерный усыпляющий гул двигателя. – Спать не хочешь?

Отец встрепенулся, и я сразу понял, что устал он не меньше моего, даже больше, но держался и не подавал виду.

- Да так, - сказал он невнятно, будто заново учился говорить. – Спать уже хочется. Но уже скоро. Сколько там осталось нам, километров тридцать?

Отец докурил сигарету, поморгал, отгоняя сон.

Из темноты обочины выплыл синий дорожный указатель.

- Да вон знак! – вскрикнул я и указал пальцем. – Тридцать один, остался, километр. Сейчас пост будет!

- Давай, там, наверное, остановимся, - сказал неуверенно отец. – Подышим свежим воздухом, выйдем, разомнемся, а то у меня уже нога отваливается, затекла.

- Конечно, остановимся! – безапелляционно поддержал я. И тому была причина, одна из главных черт характера отца – исполнительность. Черта-то хорошая, только у него она гипертрофирована. Отец в своей исполнительности мог пойти и на ущерб себе. И в этой поездке, не согласись я с остановкой, а воспротивься, так отец из кожи бы вон лез, давил затекшей ногой на педаль, боролся со сном, а вел машину дальше.

Пост! Стационарный пост милиции за двадцать километров до города. Подле поста вдоль обочин трассы уже стояли ряды фур – одни остановились на ночевку, другие лишь для короткого отдыха. Сразу за постом и мы свернули на обочину. Я вышел из машины, и блаженство от прогулки растеклось по всему затекшему телу. Остановились мы вовремя, сон так близко подкрался к нам, что точно победил бы на оставшемся пути. Я прошелся по обочине, подышал ночным воздухом – сон отступил, в голове прояснилось. Отец закурил. Я тоже. За десять минут прохладный ветерок приободрил меня окончательно.

- Ну, что, поехали? – отбросил отец окурок, посмотрел на меня.

- Ты как, па? Спать перехотелось? – всмотрелся я в его лицо – глаза уставшие, покрасневшие сеточкой сосудов, но вроде как не сонные.

- Да, нормально, тут немного осталось, доедем! – произнес он бодро.

Мы тронулись. Впереди уже виднелись электрические отсветы города. Трасса шла прямо, по две полосы в каждую сторону, прерывистая разметка обозначала полосы, а сплошная по краям очерчивала границы асфальта. Встречные направления разделял ров метра полтора в глубину и около пяти в ширину. Мы катили по левой полосе из двух, ближе ко рву. На спидометре было восемьдесят. Мы обогнали пару легковых машин на соседней полосе. Те плелись на шестидесяти. Межполосная разметка правее меня монотонно проскакивала назад. Я смотрел на нее, и это действовало гипнотически. Первые минуты после остановки прошли бодро. После я согрелся, потянуло в сон. Я чуть прикрыл веки, задержал так на пару секунд, разомкнул. Мелькание штрихов разметки все больше их отяжеляло. Я посмотрел на отца. Он не курил. Сидел ровно, держал руль обеими руками и смотрел на дорогу. Сон вместе с теплом кабины пробирался по спине к голове, я соображал все хуже. Город приближался. «Еще немного, уже скоро, как хочется спать, приедем, сразу лягу, буду спать, пока не надоест, отец тоже устал, почему я такой криворукий и не веду машину, надо смотреть на дорогу, окно открыть надо, холодно, дотерплю», - ползли кашей в моей голове мысли. Ших, ших, ших – проносились белые штрихи справа. Я смотрел на них, веки наливались сном. Я сомкнул глаза. «Сейчас чуть так посижу и открою, еще немного, сейчас, сейчас», - еле-еле ворочалась сонная мысль. С трудом, лишь наполовину, но я открыл глаза, плохо соображая, глянул на отца. Он все также сидел ровно, смотрел вперед и вел машину. Мне стало жутко неудобно и стыдно за

себя. Я, молодой парень, сижу рядом с отцом, которому пятьдесят лет, который вот уже тысячу километров ведет машину и не засыпает, а я валюсь в сон! Я вернул взгляд на дорогу. Ших, ших, ших – мелькали справа полосы на неосвещенной темной дороге. Ни попутных машин, ни встречных. Никого. Только мы и полосы. Ших, ших, ших. «Я на минутку, больше не могу, буду так, минуту с закрытыми, минуту с открытыми, так нормально, успею выспаться за минуту, и вытерплю минуту». Я закрыл глаза. Как же приятно. Наслаждение потекло от закрытых глаз вниз по телу, я жадно ловил каждый миг своего микросна. «Минута, наверное, уже прошла, не прошла, еще десять секунд и как раз будет, десять секунд, наверное, прошли, не прошли, где-то только половина, осталось четыре секунды, осталось три, нет еще не три, пока четыре, еще немного, вот теперь три, сейчас, три, три, пока три, три, две, да две... две... скоро открывать глаза... не скоро... еще две секунды... уже одна... нет, пока две... еще немного... хорошо, одна... скоро открывать глаза, надо последнюю секунду расслабиться... все, пора... еще не пора... сейчас, быстро посплю эту секунду... последняя... но это уговор... надо просыпаться... открывай глаза, открывай», - мозг усилием воли вынырнул из липкого тумана сна, заработал вслед за приоткрывшимися глазами. Я еле разлепил веки. Ших, ших, ших. Полосы. Все так же равномерно. «Так удобно на них смотреть, даже поворачивать голову не надо, прям передо мною... Почему передо мною? Уже чуть левее», - мысли почти застыли. «Интересно, почему это полосы уже чуть левее, передо мною ведь были», - в липкой каше сознания с трудом сформировалась очередная мысль. И, вдруг, искра! Я встрепенулся, дернулся! Вытаращился на полосы!

Ших, ших, ших. Все та же размеренность, но полосы уже были под отцом и медленно смещались под капотом влево! Я все понял! Я еще не осознал, но уже понял, мозг очнулся! Доля секунды, я собрался, глянул на отца. Он по-прежнему сидел ровно, держал обе руки на руле, вел машину и... спал! Глаза отца были закрыты!

- Па! – тронул я отца за руку.

Он открыл глаза. Абсолютно спокойно открыл, ни дернулся, ничего такого, просто открыл и стал смотреть вперед, куда и должен был смотреть, даже не повернулся ко мне.

- Па, мы сейчас в канаву свалимся! Мы вправо уходим! – я глянул на дорогу.

Линия межполосной разметки медленно возвращалась под «газель». Вот она уже под сидением отца, вот уже подо мною, а вот и там, где должна – справа от машины. Мы ушли с правой полосы, вернулись на левую.

Сон исчез, будто и не было. Организм за долю секунды накачался адреналином. Я глянул на отца. Тот сидел в прежней позе и вел машину. Только мы и дорога. Ни одной машины больше – ни попутной, ни встречной. Ших, ших, ших – неслись чуть медленнее злополучные полосы справа. Спидометр показывал пятьдесят.

Rrrrrr!!! – пролетела справа старая легковушка с прогоревшим глушителем.

Мы встрепенулись.

- Мда, - выдавил из себя отец, перехватил руками руль и полез за сигаретой.

Меня начало тихо трясти. Чтобы хоть как-то отвлечься, я стал разглядывать множасьщиеся огни города. Они приближались. В кабине висело задумчивое молчание.

Через полчаса мы оставили «газель» на стоянке и пошли домой. Шли молча. На полпути я не выдержал и произнес: «Ты спал за рулем, прикинь...»

Отец быстро глянул на меня, но не ответил. Уже дома, когда мы оба приняли душ и сидели на кухне за столом, отец встал и, наливая себе чай, произнес: «Мда...»

Я знал, о чем он.

- Надо же, не заметил, как уснул, - продолжил отец, обернулся, поставив чайник на плиту, и с каким-то совершенно искренним удивлением добавил. – А мне снилось, что я веду машину. Представляешь?

Я кивнул, механически дожевал наспех сделанный бутерброд, выпил чаю, пожелал отцу спокойной ночи и поплелся спать. Упав на кровать, я провалился в сон, в котором разделительная полоса неумолимо уходила перед моими глазами влево, и я ничего не мог с этим поделать.

Бардак с синькой продолжился и в августе. Часть клиентов прагматично «уселась на два стула» и заказывала этот товар то у нас, то у «Пушка». Перейдя на бартер, мы сдержали экспансию конкурента, но ситуация повисла в шаткой точке равновесия. Нам нужен был нестандартный ход. Я задумался, и мысль пришла.

- Нам надо найти другого поставщика синьки, - заявил я во время завтрака.

- Как это – другого? – мерно жевая, отец замер и тут же продолжил есть.

- Да так, другого! Наверняка там в Краснодаре кто-то еще производит или эту или такую же синьку. Слишком халаявная позиция... Лакомый кусок!

- Как может кто-то производить эту синьку, если ее название зарегистрировано?

- Да не обязательно именно эту! – начал я заводиться, как часто бывало, удивляясь неспособности отца ухватить суть мысли, а не цепляться за частности. – Название может быть любое! Главное, чтоб флакон и этикетка были те же, вот и все!

- И что мы с ней будем делать? – жевал апатично отец.

- Да как что!? Заменяем эту на новую! И все! Только надо, чтобы новая не дороже этой была. Но если там кто-то начал производить похожую синьку, то цена точно будет не дороже, а скорее всего, дешевле! А иначе нет смысла, надо же выдавливать эту с рынка. Цена точно будет ниже! Только вот как найти этих производителей? Ладно, давай доедай, нам пора уже ехать, что-нибудь придумаем, как обычно. Журналы посмотрим, может еще как, но найдем! – закончил я завтракать, встал из-за стола. Мысль засела во мне крепко.

- А с этими надо бы заканчивать... - продолжил я уже по пути на стоянку, вспомнил встречу с собственником фирмы-производителя бытовой химии, скривился.

- А что мы продавать будем!? – вытаращился на меня отец. – Вот когда найдем замену, тогда и подумаем!

- Да это понятно, что – когда найдем, а не раньше! Я что, идиот по-твоему, что ли!? – меня раздражала все сильнее прямолинейность мышления отца, на которую я наткнулся все чаще. – Я об том и говорю, что надо найти, а потом заканчивать с этим. А то приперся на своем новом «Пассате», всё пальцы гнул и пыль в глаза пускал «мы с вами работаем, только с вами, вы наши представители, мы в вас заинтересованы» тупо нассал нам в уши, козел! А сам отгрузил первому позвонившему... мудак!

- Ну да, - деликатно согласился отец. Он не любил, когда я выражался. Я, конечно, старался и не выражаться, да и матом при отце не ругался, но иногда позволял себе, когда чувства уже переполняли, просто крепкие словечки.

- Ладно, поищем, - попытожил я.

С переходом на бартер, вместе с плюсами вылезли и отрицательные стороны – удвоилась нагрузка. Теперь, чтобы получить ту же прибыль, мы должны были совершать больше работы, перевозить больший объем товаров, трудиться больше времени. Я тут же

постарался свести к минимуму все лишние действия и это удалось. Получая обратный товар у клиентов, я за раз старался брать лишь то, что требовалось к продаже в других оптовых базах. Так мы избегали перевалки бартера через свой склад. С «Меркурием» вопрос еще не был решен, Вовка не звонил. Для получения максимальной прибыли от бартерного товара я выработал систему ценообразования. В ней учитывались все нюансы – кто, где и какие скидки дает на схожий товар, и насколько дорого в какую из баз можно его продать. Все цифры я запомнил и держал в голове. Мы продолжали выписывать накладные от руки, и это утомляло и раздражало. Ведь теперь накладные стали длинными с множеством наименований. И писать приходилось много не дома за столом, а в кабине «газели». И заняться этим пришлось уже мне. Отец, выполняя лишь функции водителя, быстро перестал ориентироваться в коммерческих вопросах. Если он брался за написание накладной, то уточнял у меня цены едва ли не по каждой строке, делая процесс написания долгим и мучительным для нас обоих. Я же писал накладные быстро, черпая всю информацию из своей памяти. Отец в это время отдыхал, выкуривая очередную сигарету.

Вопрос с продажей бартерного товара в «Меркурий» решился – об этом сообщил нам Вовка, сказал, что «позвонил Сене, будет он брать у вас весь этот триппер, три процента ему и возите туда свое говно, хоть до усрачки».

Я обрадовался, а Вовка довольно сунул руки в боки и важно замер около нашей «газели». После выгрузки мы стояли тут же у склада. Вовке было скучно летом в офисе, и почти каждый наш приезд в «Пеликан» мыс ним виделись. Трепались о всякой ерунде, зубоскалили, как два закадычных приятеля, которыми мы и стали – быстро и незаметно.

- Ладно, езжайте, жулики! – вздохнул Вовка, уходит ему не хотелось. – Мне идти надо, дел полно, какое-то сраное вино привезли, машина, вон, под выгрузкой стоит, грузчиков собрать не могут уже час, половина работает, а половина пьяные.

- Ладно, давай, пока, увидимся! – махнул я, захлопнул дверь, отец завел двигатель.

Вовка косолапо пошел впереди. Мы обогнали его. Я глянул в боковое зеркало – Вовка показал язык. Я высунул руку в окно и показал ему средний палец.

Ситуация в бизнесе выглядела стабильной. За «Пеликан» я был спокоен – там Вовка. С «Пересветом» везло сильно – крупные поставщики бытовой химии продолжали в упор не замечать эту базу. Мы возили в «Пересвет» бартерный товар, он продавался, словно проваливался в бездонную бочку. С ценами там тоже творилась халява, они были так высоки, что мы умудрялись хорошо зарабатывать даже на бартерном товаре. Я учуял шанс заработка – пока конкуренты хлопали ушами, надо было максимально загружать «Пересвет». Мы так и сделали, принялись почти весь бартер валить в одну базу, и его стало не хватать. Помимо синьки, нам снова нужен был хороший товар для прямых продаж и для увеличения объемов бартера – одно тянуло за собой другое. И я помнил о плане по смене производителя синьки, но понятия не имел, где искать нового.

Как и в любой сфере, в оптовой торговле нашего города сформировался довольно стабильный круг игроков. Если в продуктовой опте он был большим, то в бытовой химии на порядок меньшим и очень замкнутым. Новых игроков за десяток почти не появилось. Наоборот, в 2002 году началось едва заметное уплотнение рынка бытовой химии. Процесс тронулся так плавно, что если кто и выходил из игры, то бизнес его угасал долго и у всех на глазах. Резко не разорялся и не закрывался никто. И напротив, если какая фирма росла,

то прогресс был заметен и имел нормальную скорость. Остальные понимали – фирма имеет хорошую прибыль, вкладывает ее в развитие, оборот, торговые площади, и рост продолжается. Бурный рост без привлечения внешних средств не случался. Но тут был свой замкнутый круг. Большим фирмам банки кредиты давали охотно. Но тем доходы позволяли развиваться быстро и без кредитов. Мелким фирмам значительных кредитов не давали, и те обреченно плелись позади больших.

В 2002 году случился нонсенс – замкнутый круг был разорван. Торговая компания «Родной край» вдруг начала бурно развиваться. Предысторию фирмы я урывками знал от разных людей. Директор «Родного края», как и все мелкие предприниматели, до поры до времени мыкался на свои кровные. И вдруг его бизнес начал резко расти. Все смекнули – произошло вливание денег. Откуда? Пошли слухи о кредитах. Располагалась фирма на территории небольшой базы буквально через забор от «Мангуста». Говорили, что базу эту директор «Родного края» не арендовал, а купил. На ее территории, не асфальтированной, едва присыпанной щебнем в самых нужных местах и огороженной бетонным забором, находилось всего одно сооружение – высокое серое четырехэтажное здание. Отсутствие окон на трех сторонах здания лишь усиливало его мрачный, почти тюремный вид. На таком информационном фоне пробудился мой интерес к «Родному краю», и я предложил отцу заехать туда.

Прохрустев колесами по щебню, мы припарковались и вышли из машины. Мда. Я огляделся. «Тюремный блок». Здание выглядело недостроенным. В его левой части зияло два проема под габариты фуры. Ворота на проемах не было. В середине здания был еще один проем, но уже с воротами и даже асфальтированным пятачком перед ним – склад фирмы. Перед его распахнутыми воротами стояла фура, суетились работники. Офис «Родного края» располагался на втором этаже, входное крыльцо находилось в правой части здания. Я потянул железную дверь на себя, мы с отцом вошли внутрь, оказались на лестничной клетке. Бетонные пролеты ступенек с приваренными к ним железными перилами вели вверх. Пол был устлан кусками бетона, силикатного кирпича и застывшего цемента. Мы словно оказались на стройке. Второй этаж нас встретил пустым дверным проемом и длинным коридором за ним. Сразу справа от проема висела железная некрашеная дверь. На ней на скотче болталась бумажка – «Торговый зал».

- Нам сюда! – сказал я и потянул дверь на себя.

Тяжелая, она поддалась не сразу, изнутри ее держала пружина. Мы вошли. Дверь бухнула позади, выдав наше появление. Интерьер зала метров в сто пятьдесят площадью не нарушал духа здания – дешевый затертый линолеум на полу, невзрачные обои. В левой части зала стояли четыре стола с компьютерами, за двумя работали девушки. Вдоль стен тянулись высокие, выше человеческого роста, белые деревянные стеллажи с образцами товаров и бумажными ценниками на каждом. Ничего лишнего, типичный торговый зал. Я поздоровался с девушками и пошел бродить вдоль стеллажей. Я не знал, чего искал, и потому изучал все подряд полки, собирая информацию. Сразу бросились в глаза низкие оптовые цены. Я быстро прикинул разницу, цены оказались ниже средних городских на семь-десять процентов. «Удивительно. Откуда такая роскошь? Странно!» - задумался я, загадка низких цен взбудоражила мой мозг.

Я глянул на отца, тот ходил за мной следом, но скорее формально, с застывшим на лице безразличием. Наверное, в тот момент мои ощущения и оформились в непреложный факт и были осознаны – отец к нашему общему делу относился равнодушно. Я внутренне

горел работой, отец нет. Он выполнял свою работу машинально, без интереса. Я ощутил себя дураком. «Как идиот, шарю по этим витринам в поисках того, чего я и сам не знаю, но я смотрю, ищу, мне интересно, хочу что-то найти тут, не знаю, чего именно, но чувствую, что поступаю правильно, а он...», - начали роиться в голове обидные мысли. Я не хотел себе в них признаваться. Но чем дольше я наблюдал за отцом в торговом зале «Родного края» и вспоминал былые схожие ситуации, тем яснее убеждался в неприятном факте – отцу было безразлично. Нехорошие мысли. Я затолкал их в самый дальний угол сознания, отвернулся, тяжело выдохнул и продолжил поиски.

Стоп!

Мысленный монолог об отце исчез из головы в миг!

Я остановился как вкопанный у предпоследнего стеллажа и не мог поверить своим глазам – на полке, среди тубиков и флаконов стояла знакомая синяя бутылочка. Да-да, точно такая же бутылочка, какая была у торгуемой нами синьки, с похожей этикеткой, но другим названием. Я нашел то, что искал! В яблочко! Я быстро глянул на цену – она была очень низкой. Идеально, то, что надо! – засигналила интуиция, по телу побежала дрожь предвкушения. Едва сдерживая рвущиеся наружу волнение и ликование, я подозвал отца.

- О! – выдал тот, увидев бутылочку.

- Да, да, да, - сказал я негромко, пошел к девушкам, взял для отвода глаз прайс-лист, вернулся к стеллажу и записал контакты производителя. Наклонившись к полке и нацепив очки, отец все еще рассматривал бутылочку. Очки сползли на кончик его носа, делая отца похожим на какого-нибудь преподавателя института.

- Пошли, больше тут делать нечего, пора ехать, - добавил я так же тихо.

Мы вышли на улицу.

- Обалдеть! Ты видел!? – сразу прорвало меня, я принялся тарыхтеть без умолка. – То, что нам нужно! Какой-то «Люксхим» в Краснодаре делает точно такую же синьку и дешевле! Прямо как по заказу! На ловца и зверь бежит!

Мы сели в машину, пока отец заводил, в несколько секунд моя голова наполнилась невообразимым потоком мыслей. Я принялся лихорадочно просчитывать перспективы случайной находки. Мы поехали.

- Сколько времени!? – произнес я в нетерпении, тут же сам глянул на мобильник. – Пятнадцать двадцать три. Полчетвертого еще.

- Полчетвертого, - сказал отец.

- Интересно, до сколько они работают? До шести, как все, наверное. Мы еще успеем им сегодня позвонить, товар уже развезли, поехали домой! – тарыхтел я.

- Ну, - запнулся отец с недовольным видом. – Ну, поехали, позвоним. Вечно ты торопишься. Куда ты летишь? Завтра позвоним. К чему такая спешка?

- А почему бы сегодня не позвонить!? – вытаращился я на него. – Чего ждать-то!?

- Позвоним, хорошо, позвоним сегодня, - раздраженно согласился отец.

Я глянул на него, и моя эйфория улетучилась, с налету разбилась о безразличие отца, о его скупость в эмоциях, о его раздражение моей радостью. Я почувствовал себя ребенком, которого родитель грубо одернул лишь за то, что тот сильно выражал свою радость и был чрезмерно счастлив. Я потух. Отвернулся и стал тупо смотреть в окно. Теплый приятный летний поток воздуха дул мне в лицо и за спину. Я высунул наружу правую руку, поставив локтем на опущенное стекло, и стал ей ловить встречный поток воздуха. Сжал пальцы, образовав ладонью подобие крыла. Воздух ударил в ее плоскость и

мигом подкинул руку вверх. Я положил ладонь горизонтально, рука упала ниже. Я создал угол наклона, рука взмыла. Глупо, но я игрался как незаслуженно обиженный ребенок. Хотелось, чтоб обида скорей ушла, и я прогонял ее простой детской радостью. Я изменял наклон ладони, и рука снова, то взмывала, то падала. Так я берег радость своих ощущений от жесткого и сухого восприятия действительности отцом. «Сейчас доедем и позвоним», - думал я, щурясь от удовольствия.

В начале пятого мы были дома.

- Па, звони! – сказал я, едва успев разуться и чуть не столкнувшись в коридоре с матерью. Она преподавала детям танцы в центре детского творчества, и последние пару лет работы у нее стало совсем мало. Платили за нее, естественно, мало. И это сказывалось на состоянии матери. С каждым годом она становилась все более раздраженной, грубее в выражениях и срывалась в скандал по малейшему поводу. Отцу доставалось гораздо больше, чем мне. Я не понимал, в чем причина их взаимной нетерпимости, чувствовал, что истоки ее уходят очень глубоко. Наблюдая за нами, мать застыла в коридоре, ушла на кухню. «Настроение плохое», - отметил я и прошел за отцом в его комнату. Отец сел подле телефона и стал набирать записанный мною номер. С открытого балкона в комнату текла августовская жара, я прошел на балкон, сел на нагретый солнцем диванчик, закурил, высунулся на улицу – красота, лето, тепло!

- Нет никого. Никто трубку не берет, - сказал отец, заходя на балкон, садясь рядом и тоже закуривая. – Наверное, ушли уже все.

Я слегка расстроился. Хотелось поскорей получить прайс-лист. Я затянулся.

На балкон зашла мать.

- Что, бизмисмены!?! – произнесла она радостно, взяла лежавшую тут же отцовскую пачку сигарет, выудила одну себе и отбросила пачку обратно. – Дела не идут!?

Снова хотела задеть, такие особенности я уже знал наизусть. Подобные набеги у матери случались волнами. Пока мы суетились на «двойке» – числились у нее в «бизмисменах», которые ничего не могут, в отличие от других «которые и дом построили, и машины у них крутые, и жены не работают». Болезненные укоры матери били в неопровержимые факты, возразить было нечего – мы стоически их выслушивали. Первое время я не замечал ее нападков. Позже они стали меня задевать. Покупка «газели» вызвала у матери растерянность, и на время провокации прекратились. Но через пару месяцев все вернулось на круги своя.

- Да почему не идут!?! – сказал я, буркнул, отвернувшись к окну. – Идут.

- Идут!?! – вцепившись в отца взглядом, мать стояла посреди балкона и мяла пальцами сигарету. – А ты чего, старый, молчишь, а!?

- Идут дела, идут, - прозвучал настороженный голос отца, я почувствовал, как его желваки напряглись. – Иди, давай.

«Это ты зря сказал», - понял я промашку отца. Мать ее и ждала, провоцировала, ждала нужного слова, чтоб зацепиться.

- Ты мне не идидай, давай! – вспыхнула она спичкой. – Понял!?! Ты!!

Мать, сцепив зубы, нависла над сидящим отцом.

- Тоже мне нашелся, бизмисмен сраный! Все мечтаешь, сидишь, никак не разбогатеешь! И никогда у тебя ничего не будет, вот посмотришь! Потому, что все люди как люди – и деньги зарабатывают, и детей и жен содержат и машины себе понакупили, а ты сидишь, жлоб, каждую копейку считаешь, все складываешь их куда-то! В гроб,

наверное, с собой заберешь! – несло ее. Если мать прорывало, то несло безостановочно. Она быстро успокаивалась, если не отвечать на ее выпады. А не отвечать было тяжело. Я хорошо понимал отца и знал, что если тоже что-то скажу, то такие же слова будут сказаны и мне, но чуть с меньшей ненавистью.

- Ма, да хорош тебе! – я встал и направился мимо матери в свою комнату.

- Ты мне рот не затыкай, папин сыночек!! – взвилась она вмиг. – Сидишь тут у него на шее, пристроился! Я давно говорила, шел бы работать куда-нибудь! Нет, околачиваешься тут, при папочке своим любимом! А мать так, прачка! Постирай, пожрать сготовь! И все! Только за этим мать нужна!

Я обернулся, невыносимо хотелось сказать гадость в ответ. Мать стояла и именно этого и ждала. Она будто питалась плохой энергией. Ссоры случались регулярно, после них мать довольная удалялась в свою комнату.

- Я и так работаю и зарабатываю деньги! – не стал обострять я. – А если не хочешь стирать или готовить, так и скажи, мы сами будем! Я не хочу слышать эти слова, типа «жрать» и все такое. Не хочешь готовить, не готовь! Только не надо орать тут!

- Все! Не нужна мать! Да!? Пока был маленький, была нужна, а сейчас все, иди, мать нахер, да!? – она подошла ко мне почти вплотную, и, глядя снизу вверх близорукими бесцветными глазами, добавила, пихая фигу почти мне в лицо. – Да вот хер ты угадал с папочкой своим заумным! Вот вам обоим! Выкусите! Что захочу, то и буду делать, это моя квартира и ты мне здесь не указ!

Ссора приобретала обычные гротескные формы. Мне нечего было ответить. Хамить матери я не хотел, слушать гадости не мог. Я глянул на отца, он сидел на балконе, закинув ногу на ногу, курил и ухмылялся. После трагедии начинается комедия – классика. Мать зыркнула на отца и медленно хищно двинулась обратно на балкон.

- А ты чего ржешь, старый козел!? – зашипела слюной она. Отцовская ухмылка действовала на мать, как тряпка на быка. Отец это понимал, но таков был его ответ в этой неизвестно когда начавшейся взаимной травле.

- Жизнь хороша, да!? Дура у тебя жена, да!? Психопатка!? А раз дура, что ж ты живешь с ней!? Валил бы отсюда, покупал бы себе квартиру и жил, как хочешь! Чего ж не покупаешь-то!? Ты ж бизмисмен! Крутой же! Денег дохера! Чего ж сидишь тут около меня!? Да потому, что денег-то нет! Ничего не зарабатываешь! Только и разговоры одни – я самый умный, я самый умный! Дак, где ж деньги-то!? А нету их нихера, потому что ума-то нет, так, одни разговоры! А сам-то во!! – постучала мать костяшками кулака себя по темени.

Я стоял посреди комнаты, в который раз слушая такое. «Когда же это все началось? Не помню. Вроде было все нормально, была семья, жили, и вдруг раз, такое началось. Пойду я куда-нибудь, погуляю», - подумал я и, прикрыв за собой дверь, ушел на кухню. Поужинал, вышел на улицу, сел в маршрутку и поехал в центр. Погода стояла шикарная. Захотелось провести вечер в клубе. Но шел лишь седьмой час, и я часа четыре просто слонялся по центру. Настроение было гадкое. Вдобавок ко всему схватило желудок. Неприятная ноющая боль. Когда болит желудок, больше ни о чем другом думать не хочется. Я купил бутылку алкогольного коктейля, сел на лавке в парке и, закурив, стал заливать ноющий желудок светло-зеленым пойлом. Боль поутихла. Такое случалось не часто, я не придавал сильного значения этим болям. Понимал, они от нерегулярного питания и перекусов на ходу. Отец мне о желудке всю голову пробил своими нотациями.

Ведь мой слабый желудок – наследие по его линии. Я воспринимал нравоучения отца, но ничего не делал. Мне было все равно.

В «Чистом небе», ожидаемо, в рабочий день посетителей было мало. Я уже знал весь персонал клуба в лицо, с половиной здоровался за руку. Денег с собой было немного. Я заказал «отвертку», прошелся по заведению и прилип к барной стойке. Накачавшись алкоголем, из «Чистого неба» я вышел в третьем часу ночи. Поднялся по ступенькам, толкнул тяжелую деревянную дверь от себя и оказался на свежем воздухе ночной улицы. Я медленно пошел прочь. Хотелось прогуляться, подышать и немного отойти от алкоголя. Я перешел дорогу по «зебре» и двинулся обычным маршрутом к гостинице, туда, где дежурили «бомбилы». Через двадцать минут я был дома. Родители спали, я тихо разделся, лег в кровать. Едва голова коснулась подушки, как по всему телу пробежала приятная волна расслабленности и легкой усталости. Я сразу уснул.

Утром, еще пребывая в легкой дреме, я услышал отцовские шаги в комнате.

- Спишь? – произнес его голос.

- Нет, - ответил я, не открывая глаз.

- Я позвонил в Краснодар, - сказал голос, прокашлялся. – В «Люксхим». – Снова прокашлялся и цыкнул губами. – Они мне прайс вот скинули...

Остатки дремы испарились вмиг, я вскочил, разлепил глаза, сел на кровати и протянул руку к факсимильным бумажкам: - Дай посмотреть!

Быстро пробежал два листа сонными глазами.

- Отлично! Синька! Цена три рубля, супер! – пожирал я глазами буквы и цифры.

- И чистящая паста у них есть, - добавил отец.

- Классно! Паста! – я продолжал изучать названия и цены. – Цена не очень, надо бы подешевле немного. Ну ладно, это мы поговорим позже. Стиральный порошок дешевый, отлично! Чистящие средства дешевые, отлично.

Мы попали в яблочко! Мы нашли именно то, что искали. «Неужели это выход!?!», - гулко стучало сердце, я был возбужден, почувствовав мгновенный прилив сил.

- Ну, чего, по условиям с ними поговорил!? – не терпелось мне.

- Условия прекрасные, - отец сел на стул напротив, закинул ногу на ногу и, не скрывая довольства, продолжил. – Отсрочку платежа дают до следующей партии, но не больше двух месяцев. Подвоз у них свой. Цена уже с учетом подвоза.

- Класс! – я откинулся на кровати назад, уперся спиной в прохладную стену и сразу отпрянул. – Если подвоз свой, то цены шикарные! Синька – три рубля! Мы уделаем этого «Пушка»! Да и на пасту цена нормальная выходит! Порошок еще есть, да и все остальное до кучи пойдет. Ассортимент ты видел, какой большой, и все, похоже, будет продаваться! Не то, что у этого, кроме синьки ничего толком не продается! Отличный производитель! А они ни с кем тут не работают!?

- Не работают, я все уже узнал, - отец откинулся на спинку стула, важно замотал ногой. – Я заикнулся про дилерский договор, они согласны на эксклюзивного дилера.

Я чуть не подпрыгнул на кровати.

- То, что надо! – выпалил я. – Ладно, я умываться, сейчас все обсудим.

Я выскочил из комнаты и скрылся в ванной.

Весь оставшийся день, катаясь с товаром по городу, мы с отцом обсуждали новые перспективы. Отец согласился с тем, что с нынешним производителем надо будет завязать и переходить на товар «Люксхима». Помимо синьки решался вопрос с ростовской пастой

низкого качества, теперь мы могли заменить и ее. Отсрочка платежа в два месяца вообще выглядела манной небесной – мы могли бы завозить и продавать больше товара.

Август доживал последние дни. Я в очередной раз позвонил в Москву по поводу бартера и узнал неприятное – менеджер «Пушка» добрался и туда, предложив синьку по той же схеме, но по меньшей цене и даже уже успел завезти первую партию. Я, вроде как, должен был огорчиться, но этого не произошло. После случившихся новостей мне стало плевать на московскую фирму, на менеджера «Пушка», и на ложь владельца производства с его новым «Пассатом». «Пусть трудятся», - подумал тогда я и с легкостью сообщил новость отцу. Тот отреагировал так же.

Сентябрь продолжился летним теплом, и уже в начале месяца мы получили первую партию товара из «Люксима» - старый-престарый «МАЗ» приполз к воротам нашего склада и едва там не развалился. Давно не крашенная снаружи кабина внутри напоминала живой конструктор – от болтающейся панели приборов к рулевой колонке тянулись пучки проводов. Разноцветная их масса была связана и подвязана замусоленными веревками, шнурками и кусками изоляции. Позади кабины возвышался самодельный кунг. Обшитый снаружи листами железа, а изнутри подшитый досками, он походил на сарай на колесах. «Агрегат какой-то, а не грузовик», - подумал я. Водитель раскрыл задние двери «сарая», явив нам четыре тонны груза.

- А сколько ж ты максимально грузишь в него? – не удержался я от вопроса.

- Десять, - сказал тот спокойно, оттирая руки тряпкой от грязного масла.

- Десять тонн!? – застыл я в удивлении.

- Да, - не переменялся в лице водитель. – Еще прицеп есть. И в него десять.

- Нифига себе! – присвистнул я. – И далеко катаешься на этом чудовище?

- И в Москву езжу.

- Ого! Ты отчаянный! Это ж полторы тыщи в одну сторону! И не ломается!?

- Постоянно ломается, - водитель взял из кабины бумаги, отдал их мне.

- Ладно, начнем потихоньку, - сказал я, сунул документы отцу и пошел в склад.

Снаружи подъехала машина, захлопали двери, послышались приветственные возгласы.

- Добрый день! – вернулся из склада я и пожал руку невысокому мужчине со светлыми и седыми волосами, высоким покатым лбом и водянистым лукавым взглядом.

- Эдуард Дмитриевич! – ответил тот, пожал мою руку.

- Это мой сын Роман! – представил меня отец обоим гостям, поплыл в сдержанной улыбке. – Работаем вместе, можно сказать – семейный бизнес!

Я протянул руку второму гостю, произнес «Роман».

- Асланбек Ахмедович! – бодрым энергичным голосом ответил тот и крепко пожал мне руку. – Директор «Люксима», компаньон Эдуарда Дмитриевича! Он у нас больше по коммерции, коммерческий директор, а я отвечаю за само производство!

В партнерах угадывалась внешняя схожесть – оба были около метра семидесяти, ближе к пятидесяти по годам. Разнило одно – Эдуард Дмитриевич своим заметным даже под рубашкой животиком и всем телосложением выглядел как человек далекий от спорта, в фигуре его компаньона, напротив, угадывалась физическая крепость и выносливость.

Началась выгрузка, водитель залез в «сарай» и стал подавать коробки мне и отцу.

- Давайте мы с Эдуардом Дмитриевичем вам поможем, Анатолий Васильевич! – раздался позади меня густой голос директора.

- Да, давайте, Анатолий Васильевич мы вам с Ромой поможем, - засуетился второй.

Директор меня удивил! Я понял, что человек, будучи собственником предприятия и не чурающийся физического труда, пойдет далеко. Он отмел наши с отцом возражения и взялся за работу. На лице Эдуарда Дмитриевича едва заметно мелькнуло недовольство.

Управились быстро, за час. После выгрузки мы заверили новых поставщиков в искреннем желании продвигать их продукцию. Те в свою очередь заверили нас, что мы будем единственными представителями их компании в регионе. Все четверо высказались за длительное и плодотворное сотрудничество, снова пожали руки – на том и расстались.

По дороге домой моя фантазия разошлась и рисовала самые радужные перспективы – я был на взводе и тархтел почти без умолка. Отец большей частью молчал, едва успевая в моменты моих пауз вставлять слово. Я фонтанировал энергией и жаждой деятельности. Путь из тупика был найден, оставалось лишь идти по нему.

За дело взялись сразу и энергично, в две недели раскидав новый товар по клиентам. Замена одной синьки другой ни у кого не вызвала вопросов, ход сработал полностью. Мы выправили свое положение, обезопасили себя от «Пушка», поставив на отношениях с ним крест. Продаваться начало все – дешевый стиральный порошок, жидкость для снятия лака, чистящие порошки. Мы накрутили на новый товар не скупясь, при этом сделав его самым дешевым в городе. Мы рискнули и выиграли во всем. Продажи пошли так бодро, что уже к концу того же месяца появилась потребность в следующей партии.

В то же время, вдруг, нашелся и субарендатор в наш склад. Знакомый одного из руководителей базы искал себе небольшую площадь и обещал подъехать.